

**Рецензия на книгу Ивона Туссэна «Поццо ди Борго: Другой корсиканец. Человек, который ненавидел Наполеона». СПб.,: Крига, 2013. - 288 с. Пер. с франц. Э. Фактора
(*Toussaint Y. L'Autre Corse - L'homme qui haïssait Napoléon. Paris, 2004*)**

«Поццо!!! Неужели?!» - такой была моя первая реакция, когда на книжных развалах «Non Fiction - 2013» на стенде издательства «Крига» я обнаружила книгу бельгийского журналиста, историка и писателя Ивона Туссэна «Поццо ди Борго: Другой корсиканец. Человек, который ненавидел Наполеона», опубликованную издательством «Крига» в переводе Э. Фактора. Для меня, историка, специализирующегося на истории Франции постнаполеоновской эпохи, это оказалось приятной неожиданностью... Неужели и на русском языке появилась книга об этом удивительном человеке? Конечно, пару-тройку статей о жизни Шарля-Андре, или, на русский лад, Карла Осиповича, Поццо ди Борго найти можно и в России, но на этом библиографический список и заканчивается... Конечно, его имя звучит на страницах работ по истории Наполеоновских войн, истории Франции времен Реставрации (1814-1830) и Июльской монархии (1830-1848), истории русско-французских отношений этого периода, но вот книги в России, для которой корсиканец Поццо делал больше, чем иные его сослуживцы русского происхождения, на русском языке до сих пор нет... И это, безусловно, уже является фактором, способным вызвать читательский интерес к этой книге.

Раскрыв ее, там же, на выставке, в первую минуту я несколько разочаровалась: сплошные диалоги, из серии, как мне поначалу показалось, «Иван Грозный подумал, рассеянно почесав бороду»; отсутствие библиографических сносок, списка источников и литературы... «Очередная псевдоисторическая сенсация», - грешным делом подумала я... Но, уже взглянув на последнюю страницу, где автор описывал основной круг источников и историографию, поспешила взять свои не произнесенные слова обратно! Автор, Ивон Туссэн, построил книгу, написанную в стиле «псевдомемуаров», на солидной источниковой базе, включающей личную и официальную корреспонденцию графа Поццо ди Борго, его многочисленные рапорты, депеши, отчеты, представленные, в том числе, в Отделе западноевропейских манускриптов Национальной библиотеки России в Санкт-Петербурге. Помимо этого, автор хорошо изучил историографию проблемы, причем, это не только непосредственно работы о Поццо ди Борго, но и обширнейшая наполеоновская историография, без которой трудно написать книгу о «другом корсиканце». И, что особенно трогательно, встречи и беседы автора с потомками графа... Связь времен... С точки зрения психологии создания книги и психологического портрета героя это, на мой взгляд, очень важно. А то, что книга является романом, основанным на принципах историзма и строгом следовании источнику; романом, пусть и избегающим «художественности», но написанным

человеческим, а не «птичьим языком», которым порой грешат ученые, все это делает работу И. Туссэна привлекательной не только для специалистов, но и для всех, интересующихся историей.

«Мы говорим Поццо, подразумеваем Наполеон». Большинство работ, посвященных Поццо ди Борго, написаны именно в такой связке и имеют в названии два имени. Вот уж истинный тандем, скрепленный годами вендетты! В этом отношении новая, оригинальная по жанру книга о Поццо ди Борго, конечно, не оригинальна. Понятно, рынок диктует свои законы, книга должна продаваться, и, соответственно, исходя из этого и называться... А уж книге, в названии которой фигурирует имя того самого, другого, не «нашего», корсиканца, внимание публики точно обеспечено!

В таком фокусе, когда внимание автора сконцентрировано на вендетте, настоящей охоте, пусть и совершаемой в основном на попроще дипломатии, за кадром остаются двадцать семь лет жизни нашего героя, причем жизни активной, напряженной, и, что самое главное, связанной с историей Российской империи. Ведь с 1814 по 1834 гг. граф Поццо ди Борго занимал пост посла Российской империи во Франции, а с 1835 по 1839 гг. в Великобритании. Этот период в жизни графа автор только упоминает, посвящая ему лишь двухстраничный эпилог. Жаль, конечно, но зачем говорить о том, чего в книге нет, тем более, что И. Туссэн и не ставил перед собой такой задачи! В книге есть и так много любопытного, ценного и достойного внимания.

Изучая историю Поццо (конечно, в «тандеме» с Наполеоном, куда же без него!), автор погружает читателя в водоворот эпохальных событий: с маленькой, но гордой Корсики, мы переносимся во Францию, где уже завертелось кровавое колесо; затем революционный пожар перекидывает нас в Европу, противостоящую уже не революционной, а наполеоновской Франции; забрасывает на просторы России в грозном 1812 году; победоносно возвращает в Европу на «танцующий» Венский конгресс, участники которого, правда, были вынуждены позабыть про вальсы ровно на «Сто дней». А далее маршрут всего с одной остановкой — Ватерлоо, и наш поезд прибывает на конечную станцию — остров Святой Елены... Обо всех этих событиях мы узнаем из воспоминаний Поццо ди Борго, написанных им, по замыслу автора, по просьбе давней приятельницы графа, хозяйки влиятельного литературно-политического салона в Париже графини Адель де Буань. Конечно, за Поццо все время незримо ощущается присутствие автора, нашего современника, хорошо разбирающегося в проблематике, знакомого с разнообразными точками зрения по тем или иным дискуссионным проблемам (например, убийство герцога Энгиенского, сюжеты войны 1812 г. и др.). В общем, постмодернистский прием «смерти автора», позволяющий читателю плавно плыть за ходом мыслей автора воспоминаний Поццо ди Борго и автора книги Ивона Туссэна. Но Туссэн

предлагает еще более интересный ход: как настоящий исследователь, он подвергает сказанное Поццо сомнению, проверяет истинность его суждений и излагаемых им фактов. Написанное Поццо обсуждается в салоне в ходе беседы мадам де Буань с ее другом, известным французским политиком, префектом полиции во времена Империи, министра в годы Реставрации, канцлера Франции и президента палаты пэров в годы Июльской монархии бароном Этьенном-Дени де Паскье (часто у нас переводимого как Пакье). Буань и Паскье, на мой взгляд, также выступают «верификаторами» слов Поццо ди Борго. Анализируя их реальные, а не псевдовоспоминания, Туссэн, с одной стороны, проверяет подлинность написанного графом, с другой - вкладывая свои мысли то в уста многоумной Адель, то всезнающего Паскье. Конечно, Адель де Буань, урожденная д' Осмон, заслуживает отдельного упоминания. Талантливый хроникер событий, глубокий и вдумчивый, во многом, она олицетворяла салонную культуру Франции той поры, когда пространство Салона являлось неофициальным продолжением пространства политического (просмотрев одну из своих статей о Поццо, я с некоторым удивлением обнаружила, что сама постоянно ссылаюсь на воспоминания мадам де Буань и постоянно ее цитирую!)¹.

Поццо ди Борго и Наполеон — несомненно, главные герои этой книги. Но здесь есть и целый сонм «значимых других» - ведущих европейских политиков и дипломатов, таких, как «хитрый лис» князь Ш.-М. Талейран, присягнувший, по его собственным словам, четырнадцати правительствам; «железный герцог», победитель Ватерлоо Артур Веллингтон, «кучер Европы» князь Клеменс фон Меттерних, герцог А.-Э. де Ришелье, еще один известный «русский француз», чье имя по сию пору с благодарностью вспоминают в Одессе, не говоря уже о целом созвездии венценосных особ: российский император Александр I, английский король Георг III и принц-регент Георг, братья казненного французского короля Людовика XVI граф д'Артуа и граф Прованский. Целая галерея образов, весьма убедительно, современно и свежо воссозданных Поццо-Туссэном...

Центральный мотив книги — это вендетта, месть, которая, по убеждению автора, являлась главной движущей силой всех мыслей и поступков Поццо, по крайней мере, до 1815 г. Свою позицию автор подкрепляет многочисленными свидетельствами современников, считавших, что Поццо ди Борго был одержим жаждой мести другу своей юности. Автор предпринял исследование с использованием психоаналитического метода, верно отмечая, что месть, может быть, является самым мощным двигателем. Сам граф, правда, не считал, что им движет исключительно месть, или, по крайней мере, был умен, чтобы явно не афишировать это чувство, хотя современники были в этом уверены. «Мое сердце никогда не знало ненависти, - писал он своему племяннику Шарлю в 1831 г., - она меня утомляет и

¹ Таньшина Н.П. Карл Осипович Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67-85.

унижает. Я, подобно многим другим, являюсь лишь малой планетой, вращающейся вокруг великого солнца, когда оно согревает и когда оно сжигает мир»².

Говоря о причинах вражды между Поццо ди Борго и Наполеоном Буонапарте автор несколько выходит за рамки сложившейся в историографии точки зрения. Главной причиной взаимной ненависти, по мнению большинства как зарубежных, так и отечественных исследователей, являются политические разногласия между двумя корсиканцами, семьи которых на протяжении веков соединяли родственные и деловые контакты и связывали то отношения союзничества, то соперничества. Разногласия пришли вместе с революцией: если Поццо не принимал слишком смелые революционные перемены, являясь сторонником умеренных реформ, совместимых с монархией, более того, будучи, как точно подметил И.Туссэн, сторонником «реформ без революции», и, соответственно, выступал против сползания Франции к террору, что он отчетливо видел после восстания 10 августа 1792 г. и особенно после казни короля Людовика XVI, и был готов, вслед за национальным героем Корсики, Паскалем Паоли, к отделению от Франции (что в итоге произошло, и Корсика на короткий период оказалась под протекторатом Великобритании), то семья Буонапарте открыто примкнула к якобинцам и стала выступать против Поццо ди Борго и Паоли, обвиняя их в неприязни к республике. Именно тогда началась жесткая и открытая борьба, когда то один, то другой почувствовали себя в шкуре загнанного зверя. Такого понимания главной причины вражды придерживается и И. Туссэн, но расширяет эту точку зрения, выходя на уровень психологического анализа. По его мнению, главной причиной вендетты было соперничество и борьба двух сильных личностей за власть и влияние. Устами Поццо автор сообщает: «...единственной причиной нашего с Наполеоном взаимного отдаления было пожирающее его желание стать на Корсике первым. В то время к этому сводились его амбиции» (с. 33). Эту же мысль Туссэн вкладывает и в уста канцлера Паскье. В ответ на справедливое наблюдение мадам де Буань о том, что «...мелкие разборательства и споры в корсиканских зарослях насчет того, ранг чьей семьи выше... хотя бы частично объясняют борьбу наших замечательных героев», Паскье-Туссэн отмечает, что более важным ему представляется «...столкновение на столь ограниченном и замкнутом пространстве их карьерных интересов» (с. 41). И далее в ходе беседы канцлер говорит, что Корсика - «... это огороженная площадка, где борются два молодых человека, которых душат амбиции» (с. 42). На мой взгляд, такой выход за рамки политических и идеологических разногласий как главной причины взаимной ненависти и попытка взглянуть на соперничество с учетом личностно-психологического фактора, как на схватку двух сильных личностей, является весьма продуктивным.

² Цит. по: ORDIONI P. Pozzo di Borgo, diplomat Pozzo di Borgo de l' Europe française. P., 1935. P. 77.

При этом, как настоящие враги, Поццо и Наполеон относились друг другу с взаимным уважением. Автор справедливо отмечает, что Поццо никогда не отзывался пренебрежительно о предмете своей мести и пресекал подобные высказывания со стороны других. «... сотни людей могут подтвердить, что я категорически обрывал ничтожных политиканов, которые становились на цыпочки, чтобы обругать Наполеона», - пишет Туссэн (с. 143). Или высокая оценка Поццо Итальянской кампании Бонапарта, которую он называет «блестящей» (с. 58). Со своей стороны Наполеон также признавал заслуги Поццо ди Борго и отмечал, что именно Поццо «посоветовал императору Александру идти в Париж, и одним махом решил судьбу Франции, европейской цивилизации, и, следовательно, судьбу мира»³.

Наводит на серьезные размышления мысль автора относительно предложения, сделанного Наполеоном Поццо ди Борго в ходе «Ста дней»: управлять Корсикой (с. 245). На мой взгляд, И. Туссэн тонко предположил, что у Поццо, возможно, действительно что-то защемило в груди, когда он, а по-другому и быть не могло, отказался от этого предложения... «Слишком поздно», - так ответил Поццо на это предложение Наполеона, переданное старым корсиканским другом. Действительно, как говорит Поццо (подразумевается Туссен), для него «борьба с Наполеоном стала смыслом жизни», но без этой ненависти он не стал бы, на мой взгляд, самим собой. При всей своей ненависти к Буонапарте, Поццо восхищался другом своей юности, его удачей, авантюризмом, беспринципностью... отсюда и «ностальгия по тому, что могло бы осуществиться, но уже давно стало невозможным» (с. 245).

Если от психологического анализа перейти к историческому, то и здесь Ивон Туссэн точен и объективен, касается ли это оценок личностей (ярких, лаконичных, и очень точных, как, например, подмеченная автором двусмысленность и нерешительность Александра, «намеренная неясность, туманность» (с.111)), событий (например, взгляд автора на Французскую революцию: «... беззащитная Франция была отдана в руки людей, по своему усмотрению распоряжавшихся чужой свободой и жизнью тех, кого объявляли контрреволюционерами» (с. 41)), или взглядов и позиции самого Поццо ди Борго. Автор верно отображает жизненный путь графа: его общественно-политическую деятельность на Корсике, симпатии к умеренным либералам, конституционным монархистам в годы революции, как и он, опасавшихся погружения Франции в революционную смуту и анархию; его участие в «бродячей европейской дипломатии» антинаполеоновских коалиций, а затем поступление на русскую службу. Причем Поццо ди Борго много сделал для России не только в годы Наполеоновских войн и особенно на их завершающем этапе, о чем убедительно пишет автор, но и после их окончания и восстановлении во Франции династии Бурбонов.

Первые годы Реставрации явились вершиной дипломатической карьеры Поццо ди

³ MAURIN-CARCOPINO P. Pozzo di Borgo et Bonaparte en Corse. Toulon., 1968. P. 7.

Борго. Один из чиновников в разговоре с Ш.-М. Талейраном даже заметил: «Разве нами все еще управляет корсиканец?»⁴. Утвердившись в 1815 г. во главе российского посольства в Париже, Поццо ди Борго оказался в уникальном положении: наряду с выполнением своих формальных обязанностей, он остался личным посредником между Людовиком XVIII и Александром I, не без основания претендовал на роль главного представителя союзной коалиции во Франции, и, наконец, будучи «почти подданным» французского короля, нередко вмешивался в вопросы внутреннего управления.

К этому времени Поццо удалось восстановить и свое финансовое положение. Как отмечает И. Туссэн, ссылаясь на мадам де Буань, о происхождении состояния Поццо современникам не было известно. Что известно нам? Тоже немного: Людовик XVIII вернул ему собственность, конфискованную на Корсике, а также щедро отблагодарил за службу. Со временем граф начал приумножать свое состояние, скупая соседние земли⁵. Он оставил 400 тыс. фр. ренты, половина которой, вместе с парижским отелем и виллой в Сен-Клу, отошла его племяннику Шарлю; остальные деньги достались его корсиканским родственникам⁶.

Конечно, какой же роман может обойтись собственно без романтической составляющей? Книга И. Туссэна не является исключением, тем более, что красивый, элегантный, статный, граф всегда нравился женщинам. Об одном из увлечений Поццо повествуется на страницах книги Туссэна: избранницей графа стала «несравненная жемчужина Востока», литовская графиня Данута Ланскоронска, супруга графа Ланскоронскиса, с которой граф познакомился в Вене в 1804 г. Однако в целом личная жизнь Поццо ди Борго не сложилась; он так и не женился, полагая, что мужчина рожден для войны. Да и когда ему было обзаводиться семьей? Ведь его жизнь обустроилась только после того, как ему исполнилось пятьдесят; а до этого – жизнь изгнанника, скитальца, без дома, денег и единого намека на стабильность. В последние годы своей жизни он был очень привязан к Валентине Поццо ди Борго, молодой жене своего племянника Шарля, женщине необыкновенной красоты, ставшей настоящей отдушиной в жизни стареющего дипломата. Из путешествий он всегда привозил ей дорогие подарки: самые красивые меха из Петербурга, изысканные украшения из Вены, ткани из Германии; в перерывах между дипломатическими конференциями бегал по магазинам в поисках самых изящных украшений...

Такой была жизнь этого удивительного «другого» корсиканца, жизненным кредо которого, говоря словами Туссэна (или самого Поццо) было «...как можно сильнее навредить Бонапарту, не причиняя при этом вреда Франции» (с. 87). Противник революционных

⁴ McERLEAN J. Napoléon et Pozzo di Borgo. 1764-1821. P., 2007. P. 312.

⁵ McERLEAN J. Op. cit. P. 311.

⁶ DINO DOROTHÉE (DUCHESS DE TALLEYRAND ET DE SAGAN). Cronique de 1831 à 1862. T. 1 - 4. P., 2005. T. 3. P. 166.

потрясений, он содействовал восстановлению постнаполеоновской Франции, понимая, что европейское равновесие было невозможно без сильной и стабильной Франции; посол Востока на Западе, он являлся убежденным сторонником русско-французского союза, считая его соответствующим интересам обеих стран. Иностранец по происхождению, традициям, связям, ощущавший себя дома в Вене, Лондоне и Париже, почти не говоривший по-русски, он твердо защищал российские интересы, подвергая себя риску опалы или отставки, и зачастую проявляя гораздо больше гражданского мужества и понимания национальных интересов России, чем иные его русские коллеги.

Но это — в целом... Дьявол, а точнее, главное, в деталях.... Именно они, на мой взгляд, самое «вкусное» в исторической книге. Поэтому оставим их на десерт читателям этой яркой, оригинальной, серьезной и вдумчивой книги Ивона Туссэна. Российский читатель должен, наконец-таки, познакомиться с «другим» корсиканцев, тем более, так много сделавшим для нашей страны.

А что касается мелких огрехов — то они есть в любой книге. В этой, к приятному удивлению, немного. Например, граф Прованский на одной и той же странице фигурирует и под другим, ему не свойственным, именем — как граф Провансальский (с. 116); rue Université, на которой жил Поццо ди Борго — и как улица Университета, и как д' Юниверсите (причем тоже на одной и той же странице — с. 274). Или перевод французского слова «le maquis» (с. 60). Это, действительно, колючие вечнозеленые кустарники, потом так будут называть и группы Сопротивления в годы Второй мировой. Только это не «мАки», как можно понять из сноски, а именно «макИ», слово это не склоняется и к красным макам не имеет никакого отношения... Но, говоря бюрократическим языком, указанные замечания не влияют на общее очень позитивное впечатление от прочитанной работы, в том числе, благодаря блестящему переводу Эдуарда Фактора.

доктор исторических наук,
профессор кафедры новой и новейшей истории
МПУ

Н.П. Таньшина